

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181216-233>

Коновалов Андрей Анатольевич
к.и.н, доцент кафедры Истории России
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия
homunculus2@yandex.ru

Битокова Тамара Владимировна
аспирантка Центра гендерных исследований
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
tamara.bitok@gmail.com

Текуева Мадина Анатольевна
д.и.н, завкафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия
tekuevamadina@gmail.com

СЛУХИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Аннотация. Предметом настоящей статьи стало исследование ряда источников, позволяющих взглянуть на повседневную жизнь советского и постсоветского провинциального города, в частности его женского населения, под новым углом зрения, обратиться к событиям, ранее не становившимся предметом рассмотрения в кавказоведении. Подходы, применяемые в истории повседневности, позволяют выявить качества жизни, сложившиеся в советское время (кульминационным периодом которого в контексте настоящей статьи является оттепель) – и приобрели в последующем устойчивый характер. Прослежено, как привычный образ жизни женщин трансформируется социально-экономической и политической перестройкой общества. В этих сравнениях нормального течения жизни с переходными периодами становится возможным приблизиться к изучению обыденных условий существования горожанок республики. В настоящей статье внимание сосредоточено на не самом популярном виде устных источников – слухах. Несколько громких слухов 1960-х годов и два сюжета из предшествовавшего и последующего периодов, отражают дух времени. Их анализ показывает, как в мирном течении повседневной жизни, в глубине женского сознания зреют эмоции, овладевающие массами, последствия которых формируют новую повседневность.

Ключевые слова: женщины; городская повседневность; город; слух; городской слух; Кабардино-Балкария; Нальчик.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181216-233>

Andrey A. Konovalov
Cand. Sci. (History), Associate Prof. at the Dep. of History of Russia
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
homunculus2@yandex.ru

Tamara V. Bitokova
Postgraduate at the Center of Gender Studies
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
tamara.bitok@gmail.com

Madina A. Tekueva
Dr. Sci. (History), Head of Dep. of Ethnology, History of Peoples of KBR and
Journalism
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
tekuevamadina@gmail.com

RUMORS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF WOMEN'S EVERYDAY LIFE IN THE URBAN SPACE OF KABARDINO-BALKARIA

Abstract. The present paper attempts to study a number of sources that examine the daily life in a Soviet and post-Soviet provincial town, in particular its female population, from a new perspective; to turn to events that have not been previously the subject of consideration in the Caucasian studies. The approach used in the history of everyday life makes it possible to identify the quality of life that developed during the Soviet era (the culminating period of which in the context of this article is the Khrushchev Thaw), which subsequently acquired a stable character. It is shown that the ordinary life of women was transformed by the socio-economic and political reconstruction of society. Using these examples of the normal course of life within the transitional periods, it becomes possible to approach the study of the everyday living conditions of the citizens of the republic. The paper focuses its attention on the less popular form of oral sources – rumors. Several rumors of the 1960s and two stories from the preceding and subsequent periods reflect the spirit of the times. Their analysis shows how in the peaceful course of everyday life, in the depths of women's consciousness, emotions mature, seizing the masses.

Keywords: women; urban everyday life; city; rumour; urban rumours; Kabardino-Balkaria; Nalchik.

Одной из форм бытования устных источников являются слухи. До сих пор в кавказологии они не становились предметом серьезного изучения. Но с 1990-х гг. в антропологии происходит поворот, который оказался связанным с введением в научный оборот новых видов источников. То, что раньше не воспринималось как информативный материал, теперь привлекает все большее внимание исследователей. Новые источники, одним из которых являются слухи, позволяют более детально воссоздать реальную картину повседневного существования человека. Настоятельным требованием современной науки является междисциплинарность, умение авторов использовать методы обработки эмпирического материала сопредельных истории и этнологии дисциплин [1, с. 52].

Изучение слухов имеет существенный эвристический потенциал. Разумеется, было бы весьма наивным реконструировать на их основе происходящие события. Ценность слухов в другом: они показывают отношение их создателей, распространителей и реципиентов к реальности, раскрывают их психологические характеристики, обусловленные социальным и временным контекстом.

Являясь составной частью устной истории, слухи занимают особое место в этом направлении исследований. Ввиду своей неустойчивости, фактологической недостоверности, слухи, тем не менее, отражают подспудные и часто не фиксируемые иным образом особенности и процессы массового и индивидуального сознания, ментальные константы и социальную психологию отдельного человека или групп населения [2, с. 162; 3, с. 20]. В системе взаимоотношений «государство-общество» слухи становятся явлением, отражающим восприятие населением властной политики, ее интерпретации в повседневных поведенческих и коммуникативных практиках [4, с. 24; 5, с. 34]. Особенно ярко слухи демонстрируют состояние индивидуального и массового сознания в период резких трансформаций этой системы: войн, революций, масштабных реформ [6, с. 81; 7, с. 111]. В настоящей статье прослежены слухи, возникшие как в периоды социальных трансформаций: коллективизации, распада Советского Союза и строительства новейшей российской государственности, так и в периоды относительной стабильности общества. Распространители слухов часто транслировали страхи и тревогу, обращая внимание преимущественно на негативную информацию [8, с. 113].

Периоды экстраординарного исторического опыта (потребность свершения судьбоносного выбора, дезорганизация государственных структур и тяготы больших перемен) становятся плодотворной почвой для самопроизвольного или намеренного создания и циркуляции слухов, воплощавших мысли, чувства, протест и надежды различных групп населения [9, с. 47].

Исследовательский интерес к слухам в периоды перемен объясняется не только возможностью реконструкции сознания, но и реальными последствиями распространения информации, содержащейся в слухах, как в самом сознании людей, так и во внешней реальности. Значимость слухов не следует недооцени-

вать. Факты, циркулирующие в них, зачастую лишены свойства существования, однако подчас обладают весьма значительным потенциалом действия. Недостоверная информация впоследствии начинает вести себя как истинная.

Слухи являются специфическим источником, которые «антропологизируют» исторический контекст, когда на первое место выходит человек с его мировоззренческими, аксиологическими и психологическими установками, предрассудками, эмоционально-чувственной сферой, уровнем и характером образования. Исследование, в основе которого лежит устная история, позволяет изменить угол зрения ученого, сосредоточится на новых и важных направлениях [10, с. 19].

В контексте настоящей статьи представляется продуктивным использование подхода, сформулированного в 1970-х гг. Аланом Дандесом, согласно которому исследователь должен не только изучать фабулу слуха или легенды, но и интерпретировать его значение [11, р. 33]. Необходимо проследить, почему тот или иной слух получил распространение в городской женской среде такого специфического, и в то же время интерполированного в советскую действительность региона, как Кабардино-Балкария. Такая операционально-теоретическая модель была названа А. Архиповой и А. Кирзюк интерпретативным подходом. В соответствии с ним в настоящей статье неоднократно была проделана процедура поиска социальных факторов, артикулированных в женском городском пространстве (понимаемое как комплекс факторов женской социализации в рамках городского пространства) и создающих психологический дискомфорт, вызывающий агрессию, состояния страха и тревоги [12, с. 28].

Массовые беспорядки, являющиеся одним из сюжетов данной статьи, стали объектом изучения В.А. Козлова [13, с. 10]. Он видит их истоки преимущественно в социально-экономической политике советского государства. Спецификой исследуемого региона является преимущественное влияние этнического фактора.

Важным свойством слуха является его коллективность, деиндивидуализированность. Представляя собой, по словам британского антрополога и эволюционного психолога Робина Данбара, основу для выстраивания социальных связей в больших сообществах [14, р. 111], слух живет самостоятельной жизнью, отслаиваясь от породившего его индивида, объективировавшись и став частью коллективного разума толпы. При этом слух может иметь огромную скорость распространения. «Известный популяризатор науки 1920-х гг. Я.И. Перельман показал на простом примере, что провинциальный 50-ти тысячный город может узнать свежую новость, привезенную столичным жителем, в течение самого ближайшего времени: от 1 часа до 2,5 часов» [15, с. 63].

Особенно важное значение слухи приобретают в ментальном пространстве авторитарного, несвободного общества. Как указывает И.Б. Орлов, «особенно распространены они в авторитарных и «тоталитарных» государствах, лишаящих своих граждан права на открытый и свободный доступ к информации»

[15, с. 62]. В условиях несвободного общества возрастает важность слухов, которые восполняют недостаточность правдивых новостей.

В структуре слуха можно выделить две составляющих. Первая – актуализированный уровень, лежащий на поверхности и несущий информационное содержание, отражающее современную слуху реальность. Второй уровень структуры слуха представляет собой подспудное пространство архаических, архетипических представлений о себе, обществе и мире. Его можно соотнести с образом Фернана Броделя о «времени структур» – медленно текущем, неочевидном слое «реки времени», представляющей собой «организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и масса-ми... Это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени» [16, с. 124].

Применительно к теме настоящей статьи, можно отметить, что являясь городом (и долженствуя представлять пространство модерна), в 60-е годы XX в. Нальчик занимал первенствующее положение в КБАССР. При этом относительно большой страны – СССР – он территориально, культурно и экономически находился в положении, к которому можно применить понятие «периферийный город», сохраняющий ментальную близость с селом. Нальчик имел малый опыт модернизации, став крупным городом только в изучаемое время. «Хрущевская» застройка стала вытеснять «частный сектор», за счет урбанизации население пополнялось приезжими из сел, что означало привнесение в социальное пространство традиционных установок.

Процесс урбанизации Кабарды и Балкарии, обозначенный советской властью, проявился только в 1920-е гг. с превращением Нальчикской слободы в городской административный центр. В 1950-1960-е гг. последовало строительство новых городов (Тырныауз, Баксан, Прохладный, Терек). Интеграция местного населения в городскую среду шла очень медленно, процесс активизировался после Великой Отечественной войны и особое значение приобрел в период «оттепели» в связи с увеличением кадров национальной интеллигенции, ИТР и появлением новых рабочих мест на производстве в городе.

1950–1990 гг. в Кабардино-Балкарии были временем замены многих традиционных стереотипов сознания современным дискурсом и сложными процессами переплетения инновационного и традиционалистского типов сознания с возрождением архаичных когнитивных элементов в постсоветский период. Для иллюстрации внешнего проявления архаики в мировоззрении женщин необходимо остановиться на одном из слухов, возникшем среди женщин в 1920-е гг. Этот слух появился на почве масштабных социальных преобразований, принимаемых советской властью.

Слух об «обобществлении детей»

В конце 1920-х гг. в Кабарде и Балкарии стали активно вытесняться традиционные институты, жестко подавляться проявления «пережитков прошлого». Среди прочего к таким мероприятиям относилось закрытие мечетей. Борьба с религиозной идеологией была воспринята как насилие над аутентичным сознанием и грубое вторжение в частную сферу жизни, что вызвало открытый протест преимущественно у женщин. Это обусловлено связью между этническими традициями и духовно-религиозными практиками. Такой симбиоз определял основные этапы жизни женщины: рождение, вступление в брак, смерть, регламентировала круг ее повседневных забот, и «пороговых» событий, связанных с родами, вскармливанием и воспитанием детей [17, с. 306].

Советская власть пыталась переформатировать жизнь женщины в соответствии со своими мировоззренческо-идеологическими установками. В частности, вместо традиционных обычаев детского цикла: первое пеленание новорожденного в колыбели – *гуцэхэпхэ* (каб.) / *бешикге салыу* (балк.)¹ и празднование первого шага ребенка – *лъэтеувэ* (каб.) / *биринчи атлам* (балк.)², вводились замещающие церемонии, которые парадоксальным образом оказывались похожими на христианские обрядовые практики. Так, призванные заменить упомянутые обряды «красные октябрины» по сути были модернизацией православных крестин. Эти попытки были привнесены извне, неестественны и вызывали резкое неприятие у женщин. Новации противоречили установкам традиционной народной педагогики, являющейся важнейшим фактором этнической социализации, трансляции навыков и стереотипов поведения, принятым в архаичной этнической среде [18, с. 151]. Эти причины стали триггером сопротивления женщин попыткам заменить домашнее воспитание детей общественным.

В архиве известного журналиста Р.Т. Афауновой сохранились воспоминания организатора женского движения в Кабардино-Балкарской автономной области Галины Роменской:

...Сельсовет долго не предоставлял нам помещения [для детских яслей], т.к. среди населения ходили *слухи, что их детей будут отправлять в Германию* (курсив наш – авт.), и только через год [речь идет о 1925 г.] мы добились помещения в школе. Детей посылали на площадки больших – двенадцати, тринадцати лет, а наше оборудование было рассчитано на дошкольников, получался смех и грех...³

В 1928 г. среди женщин Северо-Западного Кавказа стали распространяться слухи о том, что детей, которые по указанию властей отправлялись в ясли, обобществят, отнимут у родителей и отправят в Германию или Китай.

1 С кабардинского языка (букв.) – привязывание к люльке; с балкарского языка (букв.) – укладывание в люльку.

2 С кабардинского языка (букв.) – вставание на ноги; с балкарского языка (букв.) – первый шаг.

3 Из личного архива Р.Т. Афауновой (1932–2013), г. Нальчик.

Подчеркивается неопределенность (неграмотные женщины региона плохо представляли, где находятся эти страны) и удаленность адреса оправления, что делает невозможным общение и означает необратимость потери детей. Данный слух иллюстрирует тезис Шейлы Фицпатрик о двойственном характере природы слуха. С одной стороны, слух имел адаптационную функцию, позволял приспособиться к переменам, осуществляемым властью. С другой стороны, когда эти перемены затрагивали или даже разрушали базовые мировоззренческие константы, слух приобретал значение катализатора сопротивления [19, с. 184].

Эти слухи вылились в спонтанные и локальные акции протеста женщин. Пассивное недовольство постепенно переросло в прямые выступления в связи с обострением общей ситуации в стране на рубеже 1920-30-х годов, вызванных хлебозаготовительным кризисом. Так, в начале июня 1928 г. в адыгейском ауле Блечепсин группа женщин в 40–50 человек, собравшись у здания аульного совета, потребовала прекращения хлебозаготовок, закрытия детских яслей и садов и т.д. В это же время в Баксане (Кабардино-Балкария) собрался стихийный митинг женщин, которые вооружившись предметами кухонной утвари (ножи, ножницы, ухваты), потрясая ими, агрессивно себя вели, крича, что не отдадут детей в *ясли* и в *Китай* [20, с. 87].

Слухи и провоцируемые ими женские бунты из Адыгеи и Кабарды распространились на территории других национальных образований Северного Кавказа. Они становились выражением сопротивления обобществлению крестьянского уклада жизни, сопровождающего коллективизацию, проводимую центральной властью [20, с. 89].

Слухи об изъятии детей, при всей их курьезности и нелепости, отражали состояние сознания традиционного общества и стали внешним проявлением более глубоких социальных проблем. Они явились одним из поводов к разгоревшимся чуть позже антисоветским протестам. Гендерное измерение данного кейса заключается в том, что именно женщины продуцировали и распространяли слухи об обобществлении детей. Эти слухи стали выражением глубинной тревоги женщин о расшатывании традиционного уклада жизни, векового порядка вещей, обеспечивающего преемственность поколений. Женщины опасались утраты родовой и семейной памяти о значимости опыта предков. Похожие протесты можно проследить и в других регионах станы этого периода. Они отражали реакцию традиционного крестьянского мира на утрату общинной спаянности, замену привычных ценностей, которые базировались на семье и фамилии, на абстрактные для малого социума государственные идеалы. В этом проявляется гендерное единство, которое прослеживается в весьма этнически и культурно многообразном советском обществе. Показательным является появление этого слуха именно в 1920-е годы. В сложные, переломные для жизни страны периоды активизируется тревога за сохранение традиционных устоев. В слухах такого рода отражается борьба женщин против новаций, исходящих из большого чуждого мира, более индивидуализированного, где утрачены короткие родственные связи.

Здесь показательна разница между городской и сельской коммуникацией. В единственном на тот момент республиканском городе женщин коренных национальностей окружало множество чужих, незнакомых людей, в отличие от кабардинского и балкарского аула, для которого характерны короткие связи. Высокая скорость распространения слухов демонстрирует эту «тесноту» взаимодействия и доминирование сельского типа общения. Сельские жители рассматривали друг друга как коллективное «мы», противопоставленное социокультурному «другому». Последний наделяется враждебными или угрожающими характеристиками.

Региональная специфика данного кейса заключается в чрезвычайно важном отличии общественного уклада Северо-Западного Кавказа от русских регионов. В подавляющем большинстве последних сельские жители имели постоянные связи с городом, были знакомы с городской ментальностью через посещение городских рынков, отходнические промыслы, переселенцы в города, пополнявшие рабочий класс, не теряли связь с селом. В описываемом же регионе эта связь отсутствовала или была минимальной. Культура Пятигорска и других поселений Кавказских минеральных вод не оказывала существенного влияния на сознание и образ жизни горцев главным образом в силу этнического различия: эти города были изначально русскими, населенными людьми, культура которых существенно отличалась от социального мира горцев.

В контексте настоящей статьи этот кейс важен в качестве преамбулы, иллюстрирующей сознание горянок аграрного общества. Речь пока еще не идет о собственно городском пространстве, однако этот случай важен как демонстрация специфики сознания жителей села, которые несколько позже заселят города республики и составят оппозицию тогдашнему «коренному» городскому населению. Анализ эпизодов о распространении женщинами заведомо недостоверной информации в национальной крестьянской среде показывает, как болезненно женское сознание может откликнуться на опасность от другой культуры, попытку покушения власти на частную сферу, стабильность семейной жизни. Социальные практики русской городской повседневности с большим трудом пробивали путь в среде этнически и культурно иного населения.

Слух об эпизоде на базаре

Следующий кейс фиксируется через 40 лет после описанных выше событий и относится к эпохе, когда Нальчик, превратился из слободы при крепости в индустриальный город. Этот слух зародился в Нальчике, но местом происшествия был рынок – территория, где встречаются два образа жизни (деревенский и городской) и два типа сознания (архаическое и современное).

В июле 1968 г. на центральном рынке Нальчика произошли массовые беспорядки, подавленные военными. Базарной толпой был растерзан участковый милиционер Владимир Токарев. Его смерть наступила от «множественных

обширных травматических повреждений головы, шеи, грудной клетки, с повреждением крупных сосудов шеи, множественных переломов ребер слева и справа, с разрывом плевры»⁴.

Причиной такого нечеловеческого поведения стали слухи о том, что В. Токарев убил некоего Нургали – молодого парня-кабардинца, которого он задержал на базаре утром того дня за мелкое хулиганство в нетрезвом виде и забрал в здесь же находившийся кабинет участкового. Нургали открыл окно кабинета и стал кричать, что его убивают. Слух мгновенно распространился и дополнился информацией о смерти еще двух парней: Алика и Жамалдина. Услышав это, родственница одного из мужчин – 38-летняя Жанзиля Кунижева побежала по базару с криками о милицейском произволе. Поведение Ж. Кунижевой стало катализатором действий разъяренной толпы, призывавшей наказать милиционера за «расправу» над молодыми людьми. В. Токарев, окруженный немногочисленными сотрудниками милиции, получил несколько ударов. Отсутствие в помещении участка милиции Нургали и Алика подкрепило в людях уверенность в правдивости слуха об их смерти, что усугубило положение В. Токарева.

Слух показал высокую скорость распространения и имел серьезные последствия. Разъяренная толпа, растерзав В. Токарева, не отдавала тело сотрудникам милиции и военным, не реагировала на увещевания первого секретаря обкома партии Т. Мальбахова, председателя правительства республики А. Ахохова, секретаря Нальчикского горкома Н. Громыко. Как будет установлено на суде, массовые беспорядки происходили при скоплении около 3000 человек.

Зачинщица «базарного бунта» Жанзиля Кунижева была приговорена к пятнадцати годам общего режима. Суд не назначил высшую меру наказания из-за малолетней дочери женщины. Ее обвинили в том, что, распространяя провокационные слухи об убийстве брата, она стала одним из организаторов бесчинств толпы, «...истерически рыдая, нечеловеческими криками призывала толпу к расправе. Увлекая за собой толпу, рвалась в комнату милиции. Заламывала руки, рвала волосы и одежду на себе и в течение нескольких часов подстрекала бесчинствующую толпу»⁵. Многие свидетели и участники тех событий подчеркивали, что если бы не Кунижева, то беспорядки прекратились бы намного раньше⁶.

Данный кейс сопоставим с предыдущим – ложная информация породила реальные последствия. По словам А. Архиповой и А. Кирзюк, «городские легенды могут быть очень опасными, поскольку в условиях паники очередной пересказ «достоверной» истории может подтолкнуть человека или группу людей к агрессии» [12, с. 50]. В обоих случаях прослеживается реакция на антагониста – чуждую культуру. Однако, имеются и существенные различия. События данного кейса произошли в городе, в котором ощутимо присутствие русского населения,

4 Из заключения патологоанатома (цит. по: О. Гусейнов. Нальчик, июль 68-го. // Газета Юга. № 24-26. 1998).

5 Гусейнов О. Нальчик, июль 68-го. // Газета юга. № 24-26. 1998.

6 Полевые материалы авторов. Экспедиция в г. Нальчике. Ноябрь-декабрь 2020 г. (Информанты: М.А. Даова, 1956 г.р., Б.Г. Кагермазов, 1935 г.р., О.Х. 1978 г.р.).

среда перестала быть этнически однородной, села же оставались национально гомогенными. Приехавшие в город представители коренного населения чувствовали свое единство и, как видно, готовность активно противостоять иному миру. Таким образом, можно выделить две линии раскола: город-село; русскоязычные и местные. Рынок стал коммуникативной площадкой, местом стыка городского и сельского мира. Большинство продавцов были сельскими жителями, покупателей – горожанами. Сельский мир северокавказской республики в гораздо большей степени, чем городское социальное пространство, в котором ощутима доля приезжих, характеризуется тесными родственными связями, при этом родственники чувствуют ответственность друг за друга. Именно эти связи во многом определяют эмоции и поведение.

Между «мы» и «они» возникают отношения обоюдной угрозы. Данный слух стал свидетельством артикуляции, скрытых проблем и эмоций, которые женщины не были в состоянии сформулировать и проговорить другим способом [12, с 29]. В связи с этим важно отметить, что городской рынок Нальчика, как и другие подобные места, был по преимуществу женским пространством – основную часть торгующих и покупающих составляли женщины.

Событие на базаре продемонстрировало силу слухов, не обладающих категорией истинности, но имеющих свойство действенности. Женщины повели себя так, как будто содержание слухов действительно, более того, слух вызвал больше последствий, чем соответствующая действительности информация. При этом слухи редко рождаются на пустом месте. Уверенность людей в вине милиционера и жестокость расправы отчасти объясняются ненавистью к нему, вызванной его поборами с рыночных торговок⁷.

Высокая скорость распространения слуха связана с феноменом тревожности – особенностью, проявляющейся в склонности человека часто переживать сильную тревогу по относительно малым поводам. В отличие от страха тревожность характеризуется, прежде всего, расплывчатостью и неопределенностью [21, с. 174–180].

Самые убедительные из слухов вращаются вокруг основных страхов, главным из которых является смерть. Слухи представляют собой ментальный вирус, процветающий благодаря своей способности создавать те самые тревоги, которые заставляют их распространяться, и видоизменяться, чтобы соответствовать новым ситуациям. «Чем больше людей напугал слух, тем больше шансов, что они его передадут», – отмечает американский исследователь П. Киммел [22]. Социальные и экономические перемены в Нальчике, становящегося индустриальным городом, имели настолько быстрый характер, что порождали у представительниц коренного населения ощущение утраты привычных мировоззренческих констант и вызвали чувство тревожности перед неопределенностью будущего и, как следствие, агрессии.

Торгующие на базаре женщины уже были мобилизованы для социального действия неправомерным поведением милиционера. При этом сама передача

7 Полевой материал Текуевой М.А. Информант: Б.Г. Кагермазов, 1935 г.р.

слуха была попыткой его верификации: один из мотивов для повторения пугающих слухов – надежда обнаружить, что это неверно. «Повторяя что-то, что заставляет вас нервничать, вы можете узнать обратный факт, который вас успокоит», – сказал доктор П. Киммел. «С другой стороны, это может усилить ваши страхи, если человек, которому вы говорите, поверит этому» [22].

Примечательно, что в данном случае слух стал альтернативой версии, продуцируемой властью («никакого убийства не было»). Люди предпочли черпать сведения на «теневом рынке информации», заполняя вакуум. Его неформальность, воспринимаемая как достоинство, была противопоставлена сведениям, идущим по официальным каналам [23, с. 84]. Бытовой эпизод стал иметь более широкое значение – многообразие индивидуальных реакций привели к череде политических событий [24, с. 316].

Использование этого слуха в качестве источника позволяет разобраться не только в организации городского пространства и его восприятии сельскими жителями, но и проследить линии разлома между эмансипированным и традиционным смысловыми пространствами. Нальчик – развивающийся советский город с формирующимся промышленным потенциалом – сосредоточивал на работе в индустрии как коренное население, так и приезжих. Они становились носителями нового типа сознания. Рынок сталкивал носителей городской и сельской ментальности. Взгляд на мир колхозного крестьянства в значительной степени оставался традиционным, архаичным. Подавляющая же часть городского населения была занята в промышленности, науке и администрации. При этом значительной долей интеллигенции были приезжие русские – «посланцы» советской власти в 20-е годы и их дети, или те, кого командировали для послевоенного кадрового укрепления в республике. Население городов было в какой-то степени противопоставлено сельским труженикам, в основном коренных национальностей, что создавало социальную напряженность одновременно по этническому и поселенческому основаниям. По мнению В.А. Козлова, объяснение массовым беспорядкам в нашей стране в эту эпоху «следует искать... в более общих социально-политических факторах» [13, с. 111]. Существенной особенностью Кабардино-Балкарии, как и других национальных административных образований Северного Кавказе, является определяющее значение, наряду с социально-политическим, этнического фактора. Самосуд на нальчикском базаре был нетипичным и не соответствовал этническим обычным нормам. При всей неординарности этой истории, описанный случай является индикатором общественного напряжения, и женщины в данной ситуации стали катализатором социального взрыва.

Активная роль Ж. Кунижевой не была случайностью. Ее поведение стало спусковым крючком, переводящим ситуацию из латентной в активную стадию. Сельские женщины были носительницами традиционных ментальных установок, среди которых одним из базовых паттернов является оппозиция «мы-они» или «свои-чужие». При этом «чужие» наделяются свойством недоброжелательности и отсутствует рациональный анализ их «враждебного» поведения.

В данном случае на этот изначально приписываемый оппоненту враждебный настрой наложилась осознаваемый фактор – поборы со стороны милиционера. Не будучи способными решить социальные проблемы, женщины, торгующие на базаре, направили свою энергию на борьбу с воображаемым врагом, наделенным отрицательными характеристиками.

Слух об актрисе

Архаические стереотипы сознания оказались весьма устойчивыми к переменам и проявлялись в обывательской морали, которая во многом сохраняла традиционные черты в условиях «строительства социализма» и связанных с ним процессов женской эмансипации.

Дети, родившиеся в аулах Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны или заставшие войну в подростковом возрасте, в 1950–60-е гг. формировали новое поколение национальной интеллигенции. Получив образование и работу, они переезжали жить в города с привитыми им традиционными ценностями и ментальной близостью к селу, что часто конфликтовало с городским «модерном».

В 1960-е гг. в Кабардинском драматическом театре им. А.А. Шогенцукова состоялась премьера спектакля «Барабанщица», где в положительной главной роли партизанки выступила молодая актриса А.Б. (инициалы изменены по этическим соображениям). В одной из сцен А.Б. предстала перед зрителями в «полуобнаженном» виде – все ее тело покрывала телесная прилегающая ткань, поверх которой было надето нижнее белье. В таком виде актриса исполняла танец. Это насколько поразило зрителей, воспитанных в сексуально аскетичной культуре, что по Нальчику немедленно поползли слухи о «низкой социальной ответственности» актрисы. Не выдержав этих сплетен, ее муж настоял на разводе.

Этот кейс иллюстрирует мысль Фрэнка Макэндрю о том, что целью сплетен является укрепление «нравственности» и ответственность или наказание за «ее отсутствие» и выявление пассивно-агрессивного поведения, осуществление изоляции нарушителей морали [25]. Обычно жертвой слухов становится частная жизнь ярких, заметных личностей, идущая наперекор традиционному сознанию. При этом особое внимание распространители слухов уделяют интимным подробностям, которые не только не табуируются, но напротив, становятся предметом наибольшего внимания [26, с. 228].

При анализе этого сюжета о том, как слухи отражают стереотипы обыденного сознания, как их циркулирование может влиять на судьбы отдельных людей, следует обратить внимание и на умение личности противостоять им, вырабатывая механизмы сопротивления и формируя новые установки. Через более или менее длительное время они становятся привычными, обывательскими и создают новую повседневность. Так, актриса, о которой идет речь, несмотря на уничижительную молву, не бросила профессию, продолжала играть и в том

скандальном спектакле, появлялась на людях «уверенная в своей правоте и головокружительно красивая»⁸, была счастлива во втором «на всю жизнь» браке, чем, в конце концов, заслужила уважение горожан. Обывательская сплетня оказалась соотнесенной со знаковой, известной фигурой. Согласно исследованию американских психологов Т. Рейнолдс, Р. Баумейстера, Дж. Манера, «чем более женщина в целом склонна к конкуренции, тем более охотно она распускает слухи» [27, с. 207].

Два приведенных выше сюжета относились к одному периоду и характеризовали наличие архаических черт в сознании общества. Первый отражал специфику мышления сельского населения, выразившееся в эмоциональной форме протеста против социальных проблем. Второй эпизод демонстрирует, как стереотипы о «правильном» женском поведении оказались слишком прямолинейными и ригористическими и послужили причиной «дурной молвы» об актрисе. Оба случая имели трагические или драматические последствия для действующих лиц, оба слуха связаны с традиционностью сознания их распространителей.

Слух о «чудесном ребенке»

За время советской власти процесс эмансипации женщин зашел достаточно далеко, однако в конце XX в. в Кабардино-Балкарии значительно изменилась социокультурная и демографическая ситуация. В городах республики произошел значимый отток населения в центральные регионы Российской Федерации людей, являющихся носителями современного сознания, и приток сельских жителей. Этот процесс совпал с одной стороны с историческим переломом, переживаемым всей страной, с другой – с усилением значения религиозного фактора и в целом реархаизации мировоззрения существенной части населения республики.

Один из апрельских рабочих дней 2010 г. по всей республике начался с обсуждения главной новости: ночью в городской больнице родился покрытый волосами ребенок, у которого были на месте все зубы. В первые минуты своей жизни он заговорил по-кабардински и предрек народу большую беду, для предотвращения которой призвал «жарить лакумы», после чего скоропостижно умер. Здесь имеется в виду поминальный ритуал кабардинцев и балкарцев или своеобразное женское жертвоприношение. Лакумы – это лепешки из сдобного теста, жаренные в горячем масле, которые раздаются всем соседям и родственникам. Считается, что запах жареного масла поднимается к небесам, чтобы доставить туда чаяния людей [28, с. 29].

Известие о чудесном ребенке обсуждалось везде и всеми – от школьников до пожилых людей. Слух настолько захватил разум горожан, что к вечеру многие женщины на своих кухнях грели масло, чтобы начать жарить лакумы, как и завещал «чудесный младенец». Это длилось 40 дней – поминальный период.

8 Полевой материал Битоковой Т.В. Информант: М.А. Даова, 1956 г.р.

Многие люди скептически относились к описываемой информации, но делали это «на всякий случай».

Фантастический сюжет отражает серьезную тревогу по поводу опасности терроризма. Незадолго до этого, в 2005 г. Нальчик пережил нападение террористов, позднее был совершен ряд близко расположенных по времени терактов против ученых, представителей традиционного мусульманского духовенства, милиционеров и чиновников. Сказочная история о ребенке в действительности являлась выражением тревоги женщин за жизнь и благополучие своих близких. Таким образом распространители курьезного слуха о ребенке, транслируя одну информацию, на самом деле подразумевают иное «спрятанное сообщение» (*messages caches*) [29, p. 165].

Примечательным является то, что этот слух стал самоподдерживающейся и способной к развитию ментальной структурой. Спустя некоторое время он получил продолжение. Поползла молва о том, что предыдущий слух был запущен вдовой ликвидированного спецслужбами лидера религиозного подполья для того, чтобы вся республика совершила по нему поминальную жертву.

В соседней Северной Осетии произошла адаптация этого слуха применительно к особенностям местного сознания. От слуха было оставлено содержание, пригодное для культуры этого региона. Осетинский писатель А. Габуев в книге «Холодный день на солнце», пишет о жителях Владикавказа:

...Дзера рассказала эту дикую историю. Про волосатого мальчика из Кабарды. Мол, он родился на прошлой неделе или чуть раньше, в Нарткале или где-то там, сказал по-осетински: «Молитесь за осетинский народ», – и помер... Оказалось, многие ее слышали. Вика сказала, что родители ребенка осетины – озрекские дигорцы, а Регина – что настоящий отец вообще не человек, а далимон⁹.

Это развитие слуха иллюстрирует тезис о двусоставности текста сплетни, в которую, наряду с исходным компонентом входят «добавочные присочинения» [30, с. 165]. Ритуально-поминальная составляющая была редуцирована, зато появился персонаж осетинского фольклора.

На основании проведенных исследований мы пришли к выводам, сформулированных в следующих тезисах:

Используя слухи как источник для историко-антропологического исследования, мы смогли проследить социальные взаимодействия в городской среде. Слух как информационная структура обладает двумя взаимосвязанными функциями. Во-первых, он оформляет и выражает не столько события, произошедшие в действительности, сколько их восприятие массовым сознанием. Это пассивная функция слуха. С другой стороны, слух может быть актором социальных действий, он формирует общественные настроения и побуждает к определенным поступкам.

9 Далимон – властелин зла (перевод с осетинского).

Изучение слухов позволяет определить содержание пространства повседневности, выявить основные составляющие (модерные и архаические социокультурные установки), проследить их сложные взаимодействия (отношения конфликта и синтеза).

Городское женское пространство представляет собой сложную систему. Обладая чертами модерности, город разрушает архаические традиционные ментальные структуры, заменяя их системой смыслов индустриального общества. При этом традиционные структуры до конца не разрушаются, образуя латентный, подспудный слой символов и социокультурных представлений. Этнические особенности оказывают неявное влияние. Под воздействием определенных поводов, взрывающих поверхностный слой модерности, она прорывается, актуализируется в виде стихийного, малоосмысленного, неотрефлексированного социального протеста. Последний, однако, чаще всего не имеет далеко идущих политических и социальных последствий. Городское пространство выводит на новый уровень модерную и архаическую составляющие. Кейс нальчикского базара 1968 г. и показал этот момент социального взрыва. Если в советскую эпоху происходила последовательная модернизация женского урбанистического пространства, то в постсоветский период наблюдаются явления реархаизации, что демонстрирует кейс о «чудесном ребенке» 2010 г.

Исследование слухов делает возможным определение специфики женского городского пространства Кабардино-Балкарии: его периферийного характера, позволяет говорить о слабой степени модернизации, большом влиянии традиционных паттернов, характерных для кавказского аграрного общества.

Женщины принимали самое активное участие в описанных кейсах. На этом этапе развития общества, они являлись носителями и реализаторами консервативных моделей поведения. Женщины, особенно сельские жительницы, позже мужчин переходили к новой системе смыслов, зачастую болезненно реагируя на изменения и осуществляя функцию стабилизации, а иногда и консервации общества.

В распространении слухов существенную роль играет тревожность как культурно-психологическая основа их появления и циркуляции.

Приведенные кейсы подтверждают установки обыденного сознания о том, что именно женщины являются носителями и катализаторами тревожности и акторами пролиферации слухов. Они в большей степени обладают способностью к порождению и видоизменению молвы. Женщины располагают эмоциональным влиянием на пространство обитания, побуждая обывателей к социальным действиям. Слухи в концентрированном виде выражают тревожность общества и позволяют адаптироваться или, напротив, сопротивляться изменениям.

Оформляя и выражая традиционные установки сознания, слух зачастую несет этическую функцию, провоцируя действия и формируя среду, соответствующую традиционным ригористическим моральным устоям. Являясь носителями более традиционных категорий мышления, женщины особо бережно к ним

относятся. При этом, XX в. для женщины-горянки являлся временем эмансипации, иногда добровольной, иногда обусловленной государственной политикой. В этих условиях (что иллюстрирует слух об актрисе) женщины стали иметь возможность вырваться из пут традиционной морали и настоять на своем праве жить в соответствии с более широкими социокультурными рамками. Городское пространство позволяло увеличивать степень этой свободы, выделяя из своей среды женщин, способный принять новые, более широкие условия существования, обозначая этим ориентиры для других женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. №2. С. 51-64.

2. Родигина Н.Н. "Слухи" о переселении как источник изучения миграционной активности русских крестьян второй половины XIX в. // Этнография Алтая. Барнаул: Барнаульский гос. педагогический ун-т, 1996. С. 161-164.

3. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 19-32.

4. Бессонов И.А. Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3-2. С. 23-25.

5. Парамонов В.Н. "Великий перелом" в восприятии современников // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 33-41.

6. Кожевин В.Л. Слухи как источник по истории общественно-политической жизни города времен российской революции 1917 года // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 80-84.

7. Пянкевич В.Л. Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014.

8. Аксёнов В.Б. "Чёрное авто" как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 12-141.

9. Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в

1. Pushkareva NL. Women's and gender history: results and development prospects in Russia [Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii]. *Historical psychology and sociology of history*. 2010, 3(2): 51-64. (In Russ)

2. Rodigina NN. "Rumors" about resettlement as a source for studying the migration activity of Russian peasants in the second half of the 19th century ["Slukhi" o pereselenii kak istochnik izucheniya migratsionnoi aktivnosti russkikh krest'yan vtoroi poloviny XIX v.]. *Ethnography of Altai*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 1996. p. 161-164. (In Russ)

3. Somov VA. Rumors as a factor of labor behavior in the initial period of the Great Patriotic War [Slukhi kak faktor trudovogo povedeniya v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny]. *Historical psychology and sociology of history*. 2011, 4(1): 19-32. (In Russ)

4. Bessonov IA. Rumors and gossips of the times of collectivization and dispossession [Slukhi i tolki vremen kollektivizatsii i raskulachivaniya]. *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2009, 3(2): 23-25. (In Russ)

5. Paramonov VN. "The Great Break" in the Perception of Contemporaries ["Velikii perelom" v vospriyatii sovremennikov]. *Bulletin of the Samara University History, pedagogy, philology*. 2016, 3(1): 33-41. (In Russ)

6. Kozhevnikov VL. Rumors as a source on the history of the socio-political life of the city during the Russian revolution of 1917 [Slukhi kak istochnik po istorii obshchestvenno-politicheskoi zhizni goroda vremen rossiiskoi revolyutsii 1917 goda]. *Problems of culture of cities in Russia: theory, methodology, historiography*. Omsk: Publishing House of OmGPU, 2008. p. 80-84. (In Russ)

7. Pyankevich VL. *People lived by rumors: the informal communicative space of besieged Leningrad* [Lyudi zhili slukhami: neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. (In Russ)

работах современных историков // Вестник Омского университета. Серия "Исторические науки". 2018. №4 (20). С. 45-52.

10. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003.

11. Dundes A. On the Psychology of Legend // *American Folk Legend: A Symposium* / Ed. By W. Hand. Berkeley; Los-Angeles: University of California Press, 2008.

12. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи СССР. Москва: Новое Литературное обозрение, 2020.

13. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

14. Dunbar R.I. Gossip in evolutionary perspective // *Review of General Psychology*. 2004. № 8. P. 100-110.

15. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социальный аспекты становления. М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.

16. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977.

17. Текуева М.А. "Решение" женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917-1941 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб: Алетейя, 2008. С. 303-329.

18. Текуева М.А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // XIII Конгресс МАПРЯЛ "Русский язык и литература в пространстве мировой культуры". Гранада, 2015. Т.3 Направление "Русская культура и глобализация". С. 149–156.

19. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

20. Текуев А.К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа (1927-1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1972.

21. Хорни К. Собрание сочинений в 3 томах. Т.2. М.: Смысл, 1997.

22. Goleman D. Anatomy of a Rumor: It Flies on Fear // *The New York Times*. 04.06.1991.

8. Aksyonov VB. "Black car" as a symbol of revolutionary violence in 1917: phobia, mythology, emotional stimulus ["Chernoe avto" kak simvol revolyutsionnogo nasiliya v 1917 g.: fobiya, mifologema, emotsional'nyi stimul]. *Anthropological Forum*. 2017, 32: 112-141. (In Russ)

9. Gailit OA. Research possibilities of rumors and problems of their study in the works of modern historians [Issledovatel'skie vozmozhnosti slukhov i problemy ikh izucheniya v rabotakh sovremennykh istorikov]. *Bulletin of the Omsk University. Series "Historical sciences"*. 2018, 4(20): 45-52. (In Russ)

10. Thompson P. *Voice of the past. Oral history* [Golos proshlogo. Ustnaya istoriya]. Moscow: Ves Mir, 2003. (In Russ)

11. Dundes A. On the Psychology of Legend. *American Folk Legend: A Symposium*. W. Hand (ed.). Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2008.

12. Arkhipova A, Kirzyuk A. *Dangerous Soviet things. Urban legends and fears of the USSR* [Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strakhi SSSR]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2020. (In Russ)

13. Kozlov VA. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)* [Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)]. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. (In Russ)

14. Dunbar RI. Gossip in evolutionary perspective. *Review of General Psychology*. 2004, 8: 100–110.

15. Orlov IB. *Soviet everyday life: historical and social aspects of formation* [Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsial'nyi aspekty stanovleniya]. Moscow: State University Publishing House – Higher School of Economics, 2010.

16. Brodel F. History and social sciences. Historical duration *Philosophy and methodology of history* / General. ed. I.S. Kona. Moscow: Progress, 1977.

17. Tekueva MA. "Solution" of the Women's Question in Kabardino-Balkaria (1917-1941) ["Reshenie" zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917-1941 gg.)]. *Social History. Yearbook*. 2008 St. Petersburg: Aleteyua, 2008. p. 303–329. (In Russ)

18. Tekueva MA. Women's emancipation in the North Caucasus: difficulties of translation from Russian into Kabardian [Emansipatsiya zhen-shchin na Severnom Kavkaze: trudnosti perevoda s russkogo na kabardinskii]. XIII Congress of MAPRYAL "Russian Language and Literature in

URL: <https://www.nytimes.com/1991/06/04/science/anatomy-of-a-rumor-it-flies-on-fear.html>

23. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: Политическая энциклопедия, 1997.

24. Пушкарева Н.Л. История повседневностей // Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Алексеев В.В. (ред.) Теория и методология истории. М., 2014. С. 312–335.

25. McAndrew, Frank T. The Science of Gossip: Why we can't stop ourselves, *Scientific American*. October 2007. URL: <https://www.pnas.org/content/pnas/104/44/17435.full.pdf>

26. Панченко Н.Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5. С. 224–232.

27. Reynolds T., Baumeister R. F., Maner J. K. Competitive reputation manipulation: Women strategically transmit social information about romantic rivals. // *Journal of Experimental Social Psychology*. Volume 78. September 2018. 195–209.

28. Текуева М.А. Нальчикова Е.А. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2019. № 33 (72). С. 26–37.

29. Kapferer J.-N. Rumeurs. Le plus vieux média du monde. Paris: Editions du Seuil, 1987.

30. Prozorov V.V. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып.1. С. 162–168.

the Space of World Culture". Granada, 2015. V.3 Direction "Russian Culture and Globalization". 2015. p. 149-156. (In Russ)

19. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1999.

20. Tekuev AK. *Implementation of the Leninist cooperative plan in the national republics and regions of the North Caucasus (1927-1937) [Osu-shchestvenie leninskogo kooperativnogo plana v natsional'nykh respublikakh i oblastyakh Severnogo Kavkaza (1927-1937 gg.)]*. Nalchik: Elbrus, 1972. (In Russ)

21. Horney K. *Collected works in 3 volumes*. Vol. 2. Moscow: Smysl, 1997.

22. Goleman D. Anatomy of a Rumor: It Flies on Fear. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/1991/06/04/science/anatomy-of-a-rumor-it-flies-on-fear.html>

23. Dmitriev AV, Latynov VV, Khlopiev AT. *Informal political communication [Neformal'naya politicheskaya kommunikatsiya]*. Moscow: Political Encyclopedia, 1997. (In Russ)

24. Pushkareva NL. History of everyday life [Istoriya povsednevnosti]. Korotaev A.V., Kradin N.N., Alekseev V.V. (ed.) *Theory and methodology of history*. Moscow, 2014. p. 312-335. (In Russ)

25. McAndrew, Frank T. *The Science of Gossip: Why we can't stop ourselves, Scientific American*. October 2007. Available at: <https://www.pnas.org/content/pnas/104/44/17435.full.pdf>

26. Panchenko NN. *Gossip as a genre of everyday communication. Genres of speech [Spletni kak zhanr bytovogo obshcheniya . Zhanry rechi]*. Saratov: Nauka. 2007, 5: 224-232. (In Russ)

27. Reynolds T, Baumeister RF, Maner JK. Competitive reputation manipulation: Women strategically transmit social information about romantic rivals. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018, 78: 195-209.

28. Tekueva MA, Nalchikova EA. Memorial sacrifice and memorial food in the traditions of the peoples of the North Caucasus [Nal'chikova E.A. Pominal'naya zhertva i pominal'naya pishcha v traditsiyakh narodov Severnogo Kavkaza]. *Izvestiya SOIGSI*. 2019, 33(72): 26-37. (In Russ)

29. Kapferer J.-N. *Rumeurs. Le plus vieux média du monde*. Paris: Editions du Seuil, 1987.

30. Prozorov VV. *Rumor as a philological problem. Genres of speech [Molva kak filologicheskaya problema . Zhanry rechi]*. Saratov: College. 1997, 1: 162-168. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022 г.